

ИСТОРИЯ

УДК 93

Д.Н. Беспалько

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВОГО ХОЗЯЙСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ВИТИМО-ОЛЕКМИНСКОГО ОКРУГА В 1930–1938-е гг.

Раскрыты особенности поквартальной разверстки и ее выполнение, проблемы организации труда и преодоления системного кризиса промысловой отрасли народного хозяйства, сроки промыслового сезона, техника заготовки пушно-мехового сырья на территории Витимо-Олекминского округа в 1930–1938 гг. Подчеркивается, что окружные и краевые власти в обозначенные хронологические рамки были вынуждены спешно решать сложный комплекс проблем, проявившихся на территории региона еще в дореволюционное время и обострившихся в период 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Витимо-Олекминский округ; охотничье-промысловое хозяйство; планирование пушнозаготовок; организация труда; пушно-меховое сырье.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что важнейшая отрасль экономики – охотничье-промысловое хозяйство Витимо-Олекминского национального (эвенкийского) округа, располагавшегося на севере Забайкальского края и сопредельной Амурской области в 1930–1938 гг.¹, в отечественной историографии практически не разработана. Между тем речь идет о серьезной попытке создания высокодоходного промыслового комплекса в очень сложных природно-климатических условиях Крайнего Севера и преобладания кочевых форм организации жизненного уклада коренного населения, эвенков и якутов.

Историография вопроса об общем проектировании и развитии сходного с Витимо-Олекминским типом охотхозяйства на территории Западной и Восточной Сибири представлена рядом исследований. Среди них необходимо выделить труды Ю.А. Кудрявцева [1], М.М. Пальгунова [2], Г.В. Полубояринова [3], Г.Е. Рахманина [4], Д.Н. Данилова [5], В.Н. Скалон [6] и др. Отмеченные авторы подчеркивали, что промысловое хозяйство для Сибири, в особенности коренных народов, является жизненно важной составляющей, без научно-технического развития которой невозможно добиться экономического прогресса в регионе. Именно с этой целью на территории Ненецкого, Эвенкийского, Ханты-Мансийского и других национальных округов происходило устройство колхозов и производственно-охотничьих станций (ПОС). В то же самое время по истории Витимо-Олекминского округа таких изысканий не проводилось. Имеются только работы общего плана у Т.А. Константиновой [7, 8] и Д.Н. Беспалько [9], обозначивших основные направления окружного социально-экономического развития, что позволило актуализировать научную разработку истории экономического потенциала северных территорий РФ в Забайкалье и Приамурье в период 1930-х гг.

Источниковая база рассматриваемой проблемы представлена, прежде всего, неопубликованными материалами ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Среди них необходимо выделить документы окружного и краевого планирования пушнозаготовок, существенно отличающихся друг от друга и

потому нередко приводящих заготовительные конторы к реализации наиболее удобных показателей. Весьма информативны и содержательны отчетные материалы, посвященные хозяйственно-культурному строительству округа за 5 лет, с 1931 по 1936 г. В документах обозначены основные направления развития традиционных отраслей хозяйства – пушного промысла, оленеводства и рыболовства. Составители юбилейных отчетов отразили не только достигнутые успехи, но и не обошли стороной многочисленные трудности, связанные с отсутствием в округе полноценного охотоведческого аппарата управления и слабо решаемых организационно-технических проблем. Крайне противоречиво представлены итоги коллективизации оленных стад и обобществления лесных массивов, что выразилось в сомнении дальнейшей рентабельности пушного промысла. Особняком стоят экспедиционные материалы. В 1930–1933 гг. в округе работал целый ряд землеустроительных и исследовательских экспедиций, включавших в свой состав опытных охотоведов из московских и иркутских научных учреждений, способных на месте разобраться в ситуации и предложить действенный план по разрешению назревших проблем. Экспедиции занимались организацией территориальных районов малых народов (эвенков), пригодных для автономного самоуправления, изучали статистико-экономическое состояние районов округа и одновременно реализовали рекомендательно-практические функции охотустроительных организаций. Используя в качестве научно-методического пособия труды Г.Е. Рахманина [4], Д.Н. Данилова [5] и инструкции Главного управления охоты и звероводства Народного Комиссариата земледелия СССР по проведению охотустроительных работ в Сибирском крае [10], была предложена обширная программа по изучению Витимо-Олекминских охотничьих угодий и их ресурсов [11. Л. 124–125; 12. Л. 1–57]. Собранный массив информации позволил выявить многочисленные организационно-технические проблемы, среди которых наиболее серьезными являлись обезличивание промысловых участков, примитивная организация труда и техника лова, неудовлетворительная первичная обработка заготов-

ляемого пушно-мехового сырья, существенное оскудение промысловой фауны и т.д. Выявленные проблемы свидетельствовали о затяжном кризисе, усугубленном процессом коллективизации, обобществления таежных участков и перевода кочевого населения на оседлый образ жизни. В округе велась исключительно хищническая эксплуатация угодий – заготовка наиболее ценных сортов пушнины и мяса диких животных без соблюдения правил сезонных ограничений. Нормативно-правовые основы регулирования процесса и права охоты, борьбы с браконьерством, деятельности контролирующих народные промыслы инстанций отсутствовали. Дорожно-транспортная инфраструктура на площади в 210 тыс. км², представляла собой ужасное сочетание полностью разбитых грунтовых дорог и достаточно опасных для передвижения горно-таежных троп, что в свою очередь значительно сужало возможности пушного промысла в отдаленных угодьях.

Предложенные экспедиционными руководителями меры содержали в своей основе эффективный охотостроительный проект, направленный на поэтапное создание промыслового комплекса хозяйства. Центральному руководству Витимо-Олекминского округа рекомендовалось закрепить таежные участки за колхозами, провести инвентаризацию угодий и воссоздать распавшиеся охотничьи объединения. В служебных записках, поступающих ответственным за промыслово-сырьевую экономику планово-заготовительным структурам, особо подчеркивалось, что реализовывать намеченные изменения предстоит в сложных условиях горно-таежного рельефа местности и малой плотности заселения, примерно 0,04 человека на км².

Основной целью данной статьи является комплексный анализ развития охотничье-промыслового хозяйства Витимо-Олекминского округа в очень непростой период преодоления его организационно-технического кризиса, последствий политики сплошной коллективизации и перевода кочевого населения, прежде всего эвенкийского, на оседлый образ жизни.

В первую очередь необходимо обратиться к вопросам состояния нормативно-правовых основ внедрения новой практики промыслового законодательства, регулирования процесса охоты, заготовок пушно-мехового сырья и мясной продукции. В значительной степени рационализация правовой сферы требовалась ради наведения порядка среди русских охотников, привыкших к бесконтрольной эксплуатации угодий. Последнее являлось следствием функционирования на протяжении прошлых столетий «закона тайги», известного своим специфическим отношением к использованию объектов живой природы, «божьему дару» – свободно доступному всем желающим, без соблюдения сезонных сроков охоты и учета состояния промыслового поголовья зверей. Ценные пушные виды, как, например, витимский соболь, выбивались полностью, лишая, таким образом, угодья возможности естественного восстановления прежней численности зверья. В то же самое время местное кочевое и полукочевое население соблюдало строгие принципы, не позволяющие брать от леса больше, нежели требовалось для удовлетворения личных потребностей.

На основании ст. 16 «Положения об охотничьем производстве РСФСР от 10 февраля 1931 г.» выходит обязательное постановление Витимо-Олекминского ОИК о сроках и способах производства охоты на территории округа с 1932 г. [13. Л. 53–55]. Правами производства охоты могли пользоваться все граждане по достижению 14-летнего возраста, получив охотничий билет. Временные ограничения накладывались лишь на браконьеров. В отношении туземного населения сохранялись древние обычаи: эвенкийские и якутские охотники освобождались от выборки охотничьего свидетельства, и на них не распространялось указанное выше возрастное ограничение. Сроки охоты устанавливались в достаточно широком и удобном диапазоне, равномерно охватывая осенне-зимний, зимне-весенний и отчасти летний периоды. На подавляющее большинство видов пушных зверей охота разрешалась с 20 октября по 1 марта; на зайца – с 1 октября по 1 марта; на тарбагана (сурка) – с 15 августа до залегания в спячку; пантовые (охота на изюбrey) – с 15 июня по 15 июля; на местную пернатую дичь (глухарь, тетерев, рябчик) – с 15 августа по 1 апреля и весной с 25 апреля до 25 мая; на перелетных водоплавающих птиц (утки, гуси, лебеди и др.) – с 1 августа – до отлета и весной с момента прилета и до 1 июня. Тем не менее в ряде случаев население на местах, живущее исключительно охотой, ходатайствовало в РИ-Ки о продлении на 1–2 недели заготовительного сезона. Подобные же просьбы неоднократно зафиксированы и от охотников-колхозников, обосновывающих недостаточность установленных сроков охоты непредсказуемостью природно-климатических факторов, особенностями организации труда или вероятным срывом заключенных с районными заготовительными конторами (РЗК) договоров [14. Л. 15, 21, 37]. Запрещались варварские способы охоты при помощи самострелов, сетей и ям. Особое внимание в правилах охоты уделялось борьбе с вредными для народного хозяйства хищниками, такими как волк, росомаха, рысь и медведь. Разрешалось уничтожать на протяжении всего года как взрослых особей, так и детенышей [15. Л. 3].

В соответствии с «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» утвержденным в 1926 г. ВЦИК и Совнаркомом РСФСР наблюдать за соблюдением сезонных правил охоты в местах традиционных кочевий эвенков и наиболее продуктивных угодьях изначально хотели обязать создаваемые кочевые советы [16. Л. 6]. Являясь частью исполнительно-распределительных органов власти, а, по сути, сохраняя прежнюю родовую структуру управления, последние, как полагалось, могли вполне эффективно вести борьбу с незаконной заготовкой пушной и мясной продукции, дополнительно следить за состоянием промысловой фауны и т.д. Ожидания оказались нереализуемыми в силу немногочисленности коренного населения и отсутствия в его среде культурно-правоохранительных начал свойственных юридически образованному сотруднику охотуправления европейской части Советского Союза. В конечном итоге, заниматься основной частью наблюдательно-охранительного комплекса

дел поручили райисполкомам, сельсоветам, милиции и членам охотничьих кооперативных организаций, оставив за кочевыми советами вспомогательные функции. Однако до разукрупнения округа в 1938 г. принятые на бумаге меры соблюдались лишь отчасти. Егерская и лесная службы были малочисленными, не хватало сотрудников милиции, а сами охотники к проблеме осуществления незаконного отстрела дичи или чрезмерной эксплуатации угодий относились как к личному и неотчуждаемому праву. Специфика северных условий региона, большие размеры и слабо заселенность территорий, постоянная текучка кадров в конечном итоге заставили местные власти отказаться от методов силовой политики повсеместного пресечения случаев нарушения промыслового законодательства. В документах отдела внутренней торговли Витимо-Олекминского ОИК сохранились сведения, позволяющие, по мнению Т.А. Константиновой утверждать, что в ряде случаев администрация окружного центра пос. Калакан пыталась вести борьбу путем повышения общеобразовательного и культурного уровня населения, разъяснения приезжими специалистами-охотоведами и передовиками промысла о пользе и значимости установленных правил, что без их соблюдения семьям промысловиков не добиться подлинного материального благополучия [7. С. 155].

Таблица 1
Среднегодовые показатели заготовок
пушно-мехового сырья, тыс. руб.²

Год	Краевой план	Окружной план	Итог
1930	307	250	164
1931	350	323	166
1932	461(511)	432 (532)	340 (440)
1933	795(830)	757	454
1934	695	595	359
1935	734	617	500
1936	671(707)	574	880
1937	–	892	1126
1938	–	1237	Менее 70% по причине расформирования округа

Планирование заготовок пушно-мехового сырья до 1936 г. осуществлялось одновременно окружными и краевыми структурами [17. Л. 17], из-за чего случалась путаница – на какой план ориентироваться. Основным недостатком планов пушнозаготовок являлось то, что они составлялись без учета тех потенциальных возможностей и действительных условий, которыми располагал округ, а именно: количества охотников, индивидуальной нормы отстрела, условий завоза товаров и т.д. Планы, как показано в табл. 1 составлялись завышенными и не выполнялись [18. Л. 30, 33, 37, 45–47]. Заготовительные конторы и колхозы, получив сначала окружной план, а затем краевой (отличающийся в сторону повышения показателей добычи на 15–20%), по своему усмотрению могли принять решение в пользу наиболее удобного.

В 1932 г. план заготовок по пушнине был внезапно увеличен на 30% и возросло давление краевых заготовительных структур на окружные РЗК, что привело к хищническому истреблению зверья. Из докладной записки инструктора Комитета Севера при ВЦИК

РСФСР об итогах обследования округа за 1932 г. следует, что охотники массово производили отстрел беременных самок всех без исключения промысловых видов, не соблюдали квоту отстрела, уничтожая все подряд [19. Л. 4–4 об.]. Угодия неизбежно оскудевали. Наметилась незначительная тенденция к убыли промыслового контингента, как показано в табл. 2, с 1932 по 1937 г. Затем, в 1938 г. численность охотников возросла до уровня 1932 г. [20. Л. 9–11]. Общие показатели заготовок снизились по сравнению с 1920-ми гг. в среднем на 30–40% [21. Л. 89].

Таблица 2
Количество зарегистрированных охотников округа,
имеющих право производства охоты

Район	Год								
	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Гунгиро-Олекминский	157	157	164	143	123	135	136	135	186
Гунгокоченский	82	82	115	117	238	242	233	233	197
Каларский	64	64	351	293	214	207	153	153	185
Нюкжинский	173	173	156	156	154	163	142	142	196
Калаканский п/с	60	60	62	105	73	84	63	64	87
Всего по округу	536	536	848	814	802	831	727	727	850

Причинами складывания и развития подобной ситуации являлись, с одной стороны, трудности процесса коллективизации, а именно обобществления оленьих стад и промысловых угодий без внятно продуманной системы функционирования новой организации труда. Олени были основным видом транспорта для заброски охотников в тайгу, без их использования была невозможна сколько-нибудь эффективная эксплуатация угодий. В новых же условиях председатели колхозов, получив в свое распоряжение оленьи стада, главный упор делали на зимние грузоперевозки, осуществляемые на оленьих упряжках. Сказывалось общее сокращение численности оленестад. В 1931 г. поголовье оленей насчитывало 17 384 головы, а в 1936 г. – около 11 000 [22. Л. 6], в то время как реальная потребность, неоднократно указываемая в хозяйственных отчетах, составляла более 20 000 голов. Данное положение дел напрямую связано с политикой коллективизационного «перегиба», которой было охвачено более 60% хозяйств, – создавались колхозы, оленеводческие молочно-товарные фермы, т.е. рушился хозяйственный многовековой уклад кочевой жизни эвенкийского народа, проверенный временем. С другой стороны, райисполкомы и сельсоветы очень слабо руководили организацией охотпромысла, планы до колхозов, бригад и отдельных охотников не доводились вовсе или с большим опозданием, не прорабатывались в деталях; отсутствовал контроль за ходом выполнения планов; слабо развернута работа по мобилизации вторых членов семьи на промысел; охотники игнорировали заготовку цветной пушнины; РЗК не обеспечивали охотников должным количеством продуктов питания, патронов, палатками и другими необходимыми товарами [23. Л. 148].

Если рассматривать поквартальную разверстку и ее выполнение, то основная нагрузка приходилась на I

и IV кварталы, которые выполнялись на 90–120%. II квартал чаще всего обеспечивал выход пушно-мехового сырья не более чем на 50%, III квартал – на 50–80%. Охотники в подавляющем большинстве отказывались заключать договоры контрактации на II и III кварталы, мотивируя отказ тем, что «охотиться в этот период времени только на бурундука, по причине низкой цены на его шкурки, не выгодно». Усугубляло ситуацию отсутствие широкой культмассовой работы среди промыслового населения, находящейся в компетенции заготовительных организаций округа [24. Л. 19].

Общепринятые нормы индивидуального отстрела зависели от района и урожайности промысловых видов. В начале 1930-х гг. средняя норма отстрела по районам составляла 306 руб. на охотника, затем с 1935 г. показатели составили 650–850 руб. [25. Л. 20]. К 1938 г. цифры существенно возросли благодаря развернутому стахановскому движению: 1 250–1 300 руб. [26. Л. 185]. В передовики зачисляли охотников, выполнивших план на 180–200% от нормы [27. Л. 10].

Таблица 3
Среднегодовые показатели заготовок с разбивкой по видовой принадлежности

Промысловый вид	Количество	Цена, руб. за шт.
Белка	176 000	3,5
Бурундук	14 000	0,3
Волк	60	75
Рысь	100	100
Медведь	15	35
Горностай	610	7
Колонок	670	12
Солонгой	850	4
Заяц	515	1,5
Тарбаган	240	4
Лиса	260	75
Соболь (до 1935 г.)	15	300–400

Основным промысловым видом, как видно из табл. 3 [28. Л. 7–9] являлась белка. Остальные виды заготавливались нерегулярно ввиду отсутствия у охотников самоловного оборудования. К этой проблеме мы еще вернемся. Данные по добыче копытных и боровой дичи учету подлежали слабо. Как правило, в заготовки шла незначительная часть добытого. Практически всё оседало у охотников и местного населения в качестве продуктов питания и материала для разного рода поделок. 4 октября 1936 г. в связи с резким сокращением численности поголовья лосей и изюбрей Востсибкрайисполком ввел временный запрет на добывание этих видов [25. Л. 40]. Заготовку запретили, а закупать мясо в соседних регионах без своевременного разрешения высшего окружного руководства оказалось невозможно, поэтому ряд районов округа остался совершенно без мясных продуктов питания. Проблему пришлось решать путем завоза говядины через Заготскот [29. Л. 1]. В отношении коренного населения, ввиду исключительного значения мяса в рационе, с 1937 г. разрешался отстрел не более 3 голов в год на одно хозяйство для личного употребления [30. Л. 33].

Существенной проблемой явилась борьба с хищниками. Несмотря на предписываемое промысловым законодательством их повсеместное уничтожение,

наблюдался противоположный процесс. Наибольший ущерб наносили волчьи стаи, периодически нападающие даже на оленей упряжки, задействованные в почтовой перевозке. По неполным данным, в среднем за год хищники истребляли до 2,2% оленей от общего поголовья животных [31. Л. 40–42]. При этом с 1931 г. по март 1938 г. охотниками округа был уничтожен всего 491 волк, а завоз сторожевых волкодавов предусматривался только на конец 1938 – начало 1939 г. [26. Л. 129]. Эвенкийские охотники-оленьеводы отказывались добывать волков по причине традиционных суеверий «если не трогать волка, утверждали они, то зверь так же не тронет оленей» [31. Л. 44]. Русские промысловики били волка редко, скорее случайно, нежели целенаправленно. Отравляющее средство стрихнин практически не применялось [32. Л. 6–11]. Виной тому была трудность добывания и сравнительно низкая стоимость шкуры: волчица – 60–75 руб., волк – 40 руб., волчонок – 20 руб. [32. Л. 4]. Исправить ситуацию в лучшую сторону можно было только в сочетании методов административно-культурного воздействия и материального стимулирования, т.е.кратно повышая стоимость сдаваемой пушнины.

В качественном отношении документы фондов не дают возможности сделать строго объективный вывод, поскольку сведения крайне разрознены и неполны. Тем не менее, по имеющимся данным, можно утверждать, что до начала 1930-х гг. пушнина I сорта уверенно лидировала в системе районных заготовок. Затем ее удельный вес начинает снижаться до 50–60%, II сорт – 20–30%, значителен процент брака, от 10 до 20% [33. Л. 11–17]. Причиной данного явления, несомненно, послужила погоня за количеством, стремление охотников вырваться в передовики и улучшить свое материальное положение, слабая организация подготовки молодых промысловиков (их часто и небезосновательно именовали «праздные палы») и порой некачественные охотничьи боеприпасы. Для повышения качества сдаваемой пушнины были предложены и внедрены весьма действенные меры. На ежегодных охотничьих слетах в пос. Калакан и других относительно крупных населенных пунктах организовывалась учебно-разъяснительная работа: охотников обучали навыкам первичной обработки пушнины, а приемщиков в РЗК правильной оценке сдаваемого сырья. Заставляли учить стандарт и содержание практического пособия «Что должен знать приемщик пушмехсырья». Случаи неправильного определения кряжа белки заставили краевые охотхозяйственные структуры отправлять во все районы округа людей, имеющих специальность охотоведа-пушника, и выделять средства для проведения курсовых мероприятий со всеми заготовителями низовых точек [18. Л. 40]. Не последнюю роль сыграло предложение налагать штрафы за низкое качество выделки шкурки и присвоение звания «бракодела лесного промысла» [25. Л. 75–87].

Проблемы организации труда и преодоления системного кризиса, разразившиеся в данной сфере еще в 1920-е гг., решались с трудом. Прежде всего, требовалось проведение охотустройства и районирование угодий, как изначально и планировали охотоведче-

ские инстанции. Тем не менее внутрихозяйственное охотустройство и районирование, т.е. отграничение угодий от территории общего пользования и составление перспективного плана ведения хозяйства в соответствии с целевым назначением в округе не производилось. Требуемая инвентаризация угодий, составление охотхозяйственных карт и учет промысловой фауны [10] остались нереализованным планом. Работа по юридическому закреплению промысловых участков за коллективными хозяйствами развернулась только в 1950-е гг., несмотря на то что положительный опыт европейской части Советского Союза уже в 1930-е гг. свидетельствовал о необходимости скорейшего перехода к данной практике. Объяснить заторможенное топтание округа на месте в этом отношении, можно только отсутствием окружного охотоведческого аппарата, который бы умел ставить и правильно решать организационно-технические и биологические вопросы. С другой стороны, отпускаемые краевым центром средства на капитальное строительство по линии охотустройства использовались не по назначению. Финансовые ресурсы распределялись в иные отрасли народного хозяйства, в частности в животноводство и полеводство, малорентабельные в существующих природных условиях округа [20. Л. 67–68]. До охотхозяйства доходили незначительные суммы, явно недостаточные для проведения задуманного в начале 1930-х гг. комплекса практических мероприятий.

Производительность труда в охотхозяйстве находилась на низком уровне. Требовалось скорейшее решение данной проблемы, представляющей основную задачу отрасли. Вопрос по возрождению охотничье-промысловых артелей и бригад, исчезнувших в связи с резким сокращением численности соболя, поднимался не только на колхозных собраниях, но и неоднократно на окружном уровне. Документы фондов внутренней торговли округа и управления охотничьего хозяйства Читинской области свидетельствуют, что охотники-одиночки не справлялись с объемом плановых задач [16, 25, 30]. Только организованные группы могли провести качественную подготовку к промысловому сезону: осуществить предпромысловую разведку, наметить наиболее богатые пушшиной участки, поддерживать в порядке промысловые тропы и таборные строения. В районах Крайнего Севера Западной и Восточной Сибири ради преодоления схожей проблемы (не всегда удачно) создавались ПОС, в чью компетенцию входило строительство факторий, оборудование угодий, поддержание и прокладка новых троп, снабжение промысловиков и т.д. По своей сути, они должны были помогать колхозам в организации полноценной промысловой деятельности, наподобие МТС в земледельческих районах [34. С. 68–81]. На деле же образованные ПОС Витимо-Олекминского округа оказались в малой степени обеспечены материально-технической базой, не имели собственных кадров специалистов-охотоведов и охотников, превратившись в конечном итоге в районные отделения заготовительных контор. РЗК в свою очередь пытались переложить на плечи кочевых советов и председателей правления колхозов ответственность за орга-

низацию промыслов, но безуспешно. Кочевые советы могли принимать активное участие в содействии организации и развитию промыслов, а также внедрении новых средств и орудий охоты лишь в своей, традиционной и не слишком многочисленной среде. Председатели колхозов, имея, за редким исключением, возможность оказать содействие, не спешили с помощью. Виной тому являлась система договорных отношений между охотниками и заготовительными конторами. Анализ статистических данных показывает, что основную часть пушно-мехового сырья добывали охотники-колхозники, соответственно, колхозы желали иметь некоторую долю выручки с промысловой деятельности своих членов. В свою очередь, РЗК на этом экономили. Существовало две формы договоров на сдачу пушнины – содействия и прямые. Более 90% удельного веса договоров приходилось на первую форму – содействия, по которой колхозы (на основании решения РЗК) были обязаны выделять на промысел заранее оговоренное количество охотников, освободив их от сельскохозяйственных и грузоперевозочных работ. Колхоз в данном случае получал от РЗК 4% от общей стоимости пушнины, сданной охотником. Вторая форма предполагала более высокую выплату – 8%, но при этом колхозы должны были заниматься организацией предпромысловой разведки и промысла, выделять транспортных оленей и т.д. РЗК считали 8% отчисления чрезмерными, поэтому чаще всего отказывались от заключения прямых договоров, предпочитая договоры содействия, но при этом требовали от колхозов соблюдения условий организации труда как при прямых. Получался замкнутый круг. Руководство округа, стремясь найти решение, подкрепленное соответствующим постановлением Комитета Севера, обратилось к материалам инструкции «По распределению доходов в северных смешанных промысловых артелях районов Крайнего Севера за 1934 г.» и внесло предложение организовать сдачу всей продукции охотпромысла заготовителю через колхозы, чтобы последние могли получать, как того требовала обстановка, не менее 15% от стоимости пушнины [35. Л. 97]. Однако своевременно реализовать прогрессивные положения инструкции не удалось, поскольку центральные структуры заготовительного аппарата были против реализации данного предложения.

Дополнительно ситуацию осложняла действующая система предоплаты труда в виде начисления 10–15% аванса от суммы заключаемого договора. Для промыслового населения подобная практика являлась жизненно необходимой. Подавляющее большинство охотников округа (прежде всего из числа русского населения и перешедших к оседлому образу жизни эвенков/якутов) не имели средств к существованию уже в августе-сентябре, при том что весенняя пушнина составляла до 65% товарной продукции. Летняя заготовка изюбриных пант (пантовье) не позволяла много заработать, а после введения запрета охоты на крупных парнокопытных округа и вовсе прекратилась. Нужда брать вещи, боеприпасы и продукты авансом, под пушнину наступающего в октябре IV сезона, привела в конечном счете к неразберихе во

всей авансовой системе. Случаи заключения договора одного охотника сразу с несколькими факториями РЗК ради получения большей предоплаты стали нормой. Сводки факторий, кооперации и Райинтегралсоюза свидетельствуют, все районы округа страдали от подобного порока [22. Л. 15]. Образовывалась огромная долговая яма, на покрытие которой уходила значительная часть окружного бюджета. Полностью разобраться с проблемой до 1938 г. краевые власти так и не успели, но в качестве компромисса предложили внедрить более значительные нормы авансового расчета для охотников с хорошей репутацией: под договоры контрактации колхозникам выделять 25% от итоговой суммы заключенного договора, а единоличникам – 20% с неременным прописыванием условий: видового количества и качества сдаваемой пушнины, сроков сдачи и т.д. [25. Л. 24]. Как видно, это полумеры, в то время как решить проблему можно было только путем охвата всех охотников бригадным объединением. В данном случае бригадир нес полную ответственность за форму заключаемого договора, за получение единовременного и общего аванса, своевременно заботился о включении в промысловую группу 1–2 передовиков для передачи опыта молодежи и т.д.

Организация снабжения необходимыми для работы в тайге припасами до середины 1937 г. функционировала на грани срыва промыслового сезона, поскольку система северного завоза в регионе испытывала серьезные организационные трудности. По причине отсутствия товаров у РЗК часть охотников отказывались выходить в тайгу и терпеть лишения. Бывало, фактории выдавали некачественные и просроченные продукты питания [36. Л. 9]. Заготовительные конторы обвиняли в несвоевременном завозе или полном отсутствии товаров первой необходимости краевые заготовительные организации и руководителей перевалочных баз, через которые осуществлялось окружное снабжение, – Читу, Нерчинск, Романовку [24. Л. 18]. Сгоряча в начале 1937 г. окрисполком хотел даже приравнять к «вредительству» срыв снабжения охотников. Правда, обошлось без громких уголовных преследований [37. Л. 50].

Ежегодно с ноября охотники, выходящие на промысел, начинали испытывать дополнительные затруднения – заготовив определенное количество пушнины, не знали, куда ее следует отгружать. До 1937 г. разъездные ларьки, за очень редким исключением, опаздывали к намеченным точкам сбора или вовсе не приезжали [31. Л. 113]. Поставленные в столь затруднительное положение люди проблему решали двояко: самостоятельно доставляли пушнину в факторию, теряя при этом время, или завершали промысловый сезон. Ключевым фактором слабо поставленной работы разъездных ларьков служил, прежде всего, неразрешенный вопрос выделения колхозных оленей. Окрисполком при помощи мер административного воздействия с переменным успехом осуществлял необходимое давление на председателей колхозов и руководителей РЗК, попутно решая вопросы медицинского и культурного обслуживания промысловиков в условиях зимней тайги. В частности, в

1934 г. выходит постановление, по которому предписывалось, в соответствии с решением Крайкома ВКП(б), организовать медицинское и ветеринарное обслуживание охотников и ездовых оленей на промысле, в должном количестве обеспечивать простейшими медаптечками, куда должны входить порошки от головной боли, кашля, кишечного-желудочных заболеваний и жаропонижающие препараты [38. Л. 116]. В области культурного досуга ситуация развивалась ровно в противоположном направлении. Известны лишь единичные случаи отправки устаревших на несколько месяцев газет и непроведения культурно-просветительных мероприятий в местах организационно-сдаточного сбора [22. Л. 18].

Техника заготовки пушно-мехового сырья после исчезновения соболя и в особенности обобществления лесных массивов сместилась в пользу исключительно ружейной охоты, чаще всего без обученных собак. Самоловное оборудование применялось очень редко, приходилось даже выпускать специальные обучающие листовки для охотников [39. Л. 207–209]. В значительной степени отказ от использования стационарных ловушек произошел не из-за их малой эффективности, а по причине обезличивания угодий, случившегося после национализации земли и в особенности политики сплошной коллективизации [40. Л. 163–164]. До коллективизации русские крестьяне, эвенки и якуты округа единолично владели определенными участками тайги, где каждый владелец имел твердую уверенность в том, что на следующий сезон он вернется в угодье и будет заготавливать пушнину, ибо это зависело только от него. Каждый охотник имел свое зимовье или юрту. В силу обычного права происходило своеобразное охотустройство – Витимо-Олекминская тайга разделялась на отдельные участки, где из года в год охотились одни и те же люди. Особых нарушений установившихся границ не наблюдалось. Поэтому охотник смело рубил самоловы, зная, что никто не нарушит права его собственности. При коллективном ведении хозяйства тайга обезличивалась, охотник стал зависеть от положения дел в колхозе, от воли коллектива. Коллектив на общем собрании мог принять решение в пользу другого охотника, а номинального собственника зимовья и таборного имущества направить на зимние грузоперевозки. Или отпустить, но поздно, когда его место в тайге займут и начнут пользоваться стационарным оборудованием как частью колхозной собственности. Эта неуверенность заставила охотников отказаться от самоловов. Из воспоминаний старожилов, рассказанных руководителю Каларской охотоведческой экспедиции 1950–1951 гг. В.И. Вигскому, видно, что в 1930-е гг. разнообразный технический арсенал, состоящий некогда из десятков разнообразных силков, капканов, рубленных плашек и кулемок, сократился до пары старых капканов на одного охотника [31. Л. 101–106].

Освоение угодий велось преимущественно по долинам рек, где имелась возможность более-менее удобного передвижения по льду и наличие некоторого количества прибрежно-промысловых троп. На поддержание их стабильного состояния, расчистку заброшенных и прокладку новых окружной бюджет

ежегодно получал средства от краевого. Но использовались они, как показало изучение финансовой статистики, не по целевому назначению [20. Л. 67–68]. Значительные участки тайги, в том числе высокопродуктивные, но отдаленные лиственничные насаждения поэтому оставались без внимания. Данное обстоятельство приводило к максимальной эксплуатации территорий, непосредственно прилегающих к населенным пунктам, и наоборот, отдаленные забрасывались на неопределенное время. По оценкам специалистов, промысловой эксплуатации подвергалось не более 40% территории округа.

Сроки промыслового сезона укладывались в индивидуальный распорядок конкретного охотника. Четко обозначенные временные рамки существовали только на бумаге, так как, выйдя на промысел, последний не всегда имел твердую уверенность в сроках, его могли в любой момент отозвать и перевести на зимние грузоперевозки. Постановления Окрисполкома о запрете снятия охотников с промысла [38. Л. 115–116] выполнялись плохо.

Бюро окружкома ВКП(б) на протяжении всего периода существования округа признавало ход пушных заготовок по линии Интегралкооперации ОИК и Востсибпушнины, как главных РЗК, совершенно неудовлетворительным. Общее количество факторий с 1931 по 1935 г. выросло с 6 до 35, а затем началось сокращение, в 1938 г. осталось 30. Интегралкооперация, подчиненная Народному Комиссариату снабжения РСФСР, постоянно запаздывала с развертыванием полномасштабной заготовительной компании, а фактории Востсибпушнины (ВСП) отличались недоброкачественной работой и вызывали массу нареканий. Сохранились случаи навязывания охотникам ненужных или лишних товаров [41. Л. 10 об.]. В местах приемки пушнины контора ВСП допускала обсчет и обвешивание неграмотных охотников [38. Л. 115]. В 1936–1937 гг. в массовом порядке совместно с Облпотребсоюзом производила жульнический расчет при приемке беличьей пушнины. Охотники добывали белку якутского кряжа, а фактории ее классифицировали как забайкальскую, соответственно, производили приемку по заниженной расценке в 3,5–4,3 руб., а не в 6, как полагалось. Обсчет составил более 229 тыс. руб. [25. Л. 3–9]. Местный печатный орган «Витимо-Олекминская правда» воткрытую обвинял контору в торгашестве и прочей подрывной деятельности [42. Л. 4]. Если посмотреть сметы организационных расходов ВСП по округу, то в графах практически отсутствуют данные о запланированном строительстве охотизбушек, проведении культмассовой работы с охотниками, заботе об их полноценном обеспечении [43. Л. 1–2]. Попутно в Усть-Нюкжинском сельсовете руководители факторий и их подчиненные спаивали эвенкийских охотников спиртом и по бросовым ценам скупали пушнину, практиковали азартные игры в карты и забирали в качестве выигрыша оленей [44. Л. 11]. Охотоведческие структуры края с 1934 г. настаивали на ликвидации ее факторий в округе с неременной заменой на Союзпушнину (с возможной передачей ее руководству контроля пушнозаготовительной работы Интегралкооперации ОИК), прини-

мавшую незначительное долевое участие в окружных заготовках [45. Л. 10–10 об.]. Целесообразность оставления только одной заготовительной конторы общесоюзного значения позволяла избежать промыслового ажиотажа, параллелизма хозяйственных и двойного авансирования.

Важной составляющей охотничье-промыслового хозяйства Витимо-Олекминского круга стала реализация программы биолого-зоотехнических мероприятий, направленных на реакклиматизацию соболя витимского кряжа и поэтапного обогащения промысловой фауны. В 1935 г. в силу вступил 5-летний общесоюзный запрет на добычу соболиной пушнины, но к восстановлению популяции витимского соболя приступили только в начале 1950-х гг., так как в 1930-е гг. отсутствовала необходимая материально-техническая база [46. С. 60–64]. Обогащение промысловых угодий происходило по пути завоза и выпуска в естественные условия обитания менее ценных пушных видов. Из наиболее подходящих вариантов охотоведы выбрали ондатру. К акклиматизации зверька приступили в 1932 г. на территории Муйской долины Каларского района, а промыслового значения вид достиг уже в 1938 г., что позволило в 1946 г. на базе огромного количества естественных водоемов создать ондатровый промхоз, занимавший территорию в 1 600 км² [9. С. 5–11].

На 1938–1942 гг. охотхозяйственные структуры разукрупненного в 1936 г. Восточно-Сибирского края намечали обширный план решения организационно-технических и биолого-зоотехнических проблем округа [22. Л. 16–17]. Во-первых, предполагалось раз и навсегда покончить с преобладанием системы заключения договоров содействия, имея ввиду расширение практики прямых договорных начал, тем самым материально стимулируя колхозы к интенсификации предпромысловых и сезонно-заготовительных работ. Чтобы фактории РЗК не имели возможности пользоваться разнообразными лазейками, требовалось внесение соответствующих поправок в нормативно-правовую базу, отвечающую за организацию пушно-сырьевых заготовок. Однако осуществить подобный шаг в условиях изучаемого времени не представлялось возможным. Главное управление охоты и звероводства Народного комиссариата земледелия СССР всемерно поддерживало установленные ранее правила заготовок по линии охотник – колхоз – РЗК, они должны были функционировать и дальше. Во-вторых, предполагалось усилить первичные объединения охотников постоянно действующими бригадами и артелями. Охотоведы прекрасно понимали, что бригадная основа промыслового труда в новых условиях отсутствия прямой рыночной конкуренции формировалась, можно сказать с нуля, соответственно, кооперирование средств производства охоты нуждалось в более радикальной ломке частнособственнических стереотипов мышления. Но это в свою очередь вело к возникновению в охотничье-промысловой среде пессимистических настроений относительно дальнейшей рентабельности охотпромысла в округе как основной отрасли таежного хозяйства. Были сомнения в правильности его коллективизации и эффективности возрождения бригадной организации труда, на что

окружные власти раз за разом давали понять, что несмотря ни на какие трудности, «...при слабой обеспеченности оленями охотничьего населения, при слабом развитии рыболовства и при отсутствии перспектив на другие виды хозяйства, пушной промысел является и в дальнейшем будет являться одной из основных отраслей нашего таежного хозяйства, основным источником средств к существованию эвенкийского населения округа» [7. С. 154]. Добиться создания крепких промысловых коллективов в каждом колхозе планировалось в течении 3-й пятилетки. К сожалению, выявить в архивных документах внятно продуманного плана осуществления данного мероприятия не удалось. В-третьих, планировалось на кочевые советы возложить обязательное наблюдение за соблюдением сроков охоты, содействие внедрению новых средств и орудий охоты, организации и развитию промыслов, улучшению качества обработки пушно-мехового сырья путем организации кустарных мастерских в колхозах и простейших производственных объединениях. В-четвертых, организовать ряд заповедников. В частности, 10 июня 1941 г. выходит постановление Читинского облисполкома об организации на территории Каларского района Госзаповедника на редких зверей – горного барана, соболя и др. [47. Л. 21]. В-пятых, предполагалось продолжить обогащение промысловой фауны, постепенно подготавливая условия для завоза новых пушных видов. Осуществлять задуманное каждому району, входящему в округ, пришлось уже в составе иных региональных единиц, так как 1 сентября 1938 г. Витимо-Олекминский округ был расформирован.

Таким образом, можно заключить, что охотничье-промысловая отрасль экономики Витимо-Олекминского национального округа развивалась достаточно успешно. Предпринимаемые меры, несомненно, способствовали общему подъему пушно-сырьевой

отрасли хозяйства и повышению уровня производительности промыслового труда. Численность зарегистрированного охотничьего контингента постоянно колебалась: если в 1930 г. охотников было 536 (при общей населенности округа менее 10 000 человек), то в 1938 г. – уже 850 человек (численность населения превышала 15 000 человек). Увеличивались объемы сырьевых заготовок: со 164 тыс. руб. в 1930 г. до 1 126 тыс. руб. в 1937 г. С 1938 г. ежегодный план должен был доводиться в среднем до 1100 тыс. руб. Реализовывалась программа обогащения промысловой фауны и подготавливались условия для создания природоохранных зон. Но в то же самое время нельзя не сказать об имевших место просчетах. Наиболее уязвимыми оказались, с одной стороны, кадрово-финансовые проблемы – отсутствие окружного охотоведческого аппарата управления и использование отпускаемых средств на капитальное строительство промыслово-таежной инфраструктуры не по назначению. Именно они, на наш взгляд, явились главными причинами заторможенного развития всего организационно-технического комплекса промыслового хозяйства округа. С другой стороны, успешное строительство охотничьего хозяйства не могло состояться при быстрой трансформации древнейшего промысла, требовалось сохранить традиционные устои, по крайней мере, для коренного населения. Коллективизация земельной собственности и оленестад привела к ломке прежних устоев и вызвала недовольство в эвенкийской среде. Целесообразность осуществленных мер была очевидна не всем участникам этого процесса. Поэтому на каком-то этапе стоило поставить под сомнение правильность насильственных средств борьбы в отношении обобществления частной собственности и реализации права пользования промысловыми угодиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановлением Президиума ВЦИК СССР от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» создается Витимо-Олекминский национальный (эвенкийский) округ в районе компактного проживания забайкальских эвенков. Фактически оформление новой административно-территориальной единицы произошло 10 апреля 1931 г.

² Источниковая база планируемых к выполнению показателей содержит в одних и тех же документах различные сведения, поэтому в материалах статьи использованы данные, наиболее часто встречающиеся в отчетах (в скобках указаны дополнительные суммы запланированных показателей).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев Ю.А. Пути строительства охотничьего хозяйства. М. : Всерос. союз промыслово-охотничьих кооперативов «Всеохотсоюз», 1929. 123 с.
2. Пальгунов М.М. Техника организации охотничьих хозяйств. Архангельск : Огиз РСФСР. Сев. краев. отд-ние, 1931. 80 с.
3. Полубояринов Г.В. Организация охотничьего хозяйства. Л. : Гослестехиздат, 1934. 131 с.
4. Рахманин Г.Е. Организация и эксплуатация охотничьего хозяйства. М. ; Л. : Гос. изд-во с.-х. и колхоз.-кооп. лит-ры, 1932. 240 с.
5. Данилов Д.Н., Наумов Н.П., Топорков Н.Н., Формозов А.Н. Программа по изучению охотничьего промысла на Севере. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК. Всес. науч.-иссл. ин-т пушного и охотничьего хоз-ва ВНИПО. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 64 с.
6. Скалон В.Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск : Кн. изд-во, 1957. 84 с.
7. Константинова Т.А. История Витимо-Олекминского национального округа (1931–1938) // Читинский архивный вестник (Чит. регион. отд-ние Рос. о-ва ист.-архивистов). Чита, 2008. № 15. С. 153–158.
8. Константинова Т.А. Витимо-Олекминский национальный округ (1931–1938) // Край, устремленный в будущее. Чита : Экспресс-изд-во, 2008. 233 с.
9. Беспалько Д.Н. Развитие ондатроводческой отрасли охотничье-промыслового хозяйства на территории Витимо-Олекминского национального округа в 1930-е гг. // Забайкалье историческое : VIII межрегион. науч.-практ. конф. 29 ноября 2019 г. Чита : ЗабГУ, 2019. С. 5–11.
10. Алифатов Г.М., Пономарев Г.А. Как проводить приписку охотугодий в Сибкрае. Новосибирск : Сибкрайохотсоюз, 1929. 138 с.
11. Государственный архив Забайкальского Края (далее – ГАЗК). Ф. Р-612 (Исполнительный комитет национальных Советов Витимо-Олекминского национального округа Восточно-Сибирского края (1931–1937 гг.); Читинской области (1937–1938 гг.). Пос. Калакан). Оп. 1. Д. 57.
12. ГАЗК. Ф. Р-1649 (Управление охотничьего хозяйства администрации Читинской области). Оп. 1. Д. 2.

13. ГАЗК. Ф. Р-908 (Земельный отдел исполнительного комитета Витимо-Олекминского окружного Совета депутатов трудящихся, с. Калакан (1931–1938)). Оп. 1. Д. 2.
14. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 31.
15. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 61.
16. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 62.
17. ГАЗК. Ф. Р-149 (Плановый отдел Витимо-Олекминского исполнительного комитета национальных Советов пос. Калакан Читинской области (1931–1938)). Оп. 1. Д. 5.
18. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 248.
19. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 42.
20. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 197.
21. ГАЗК. Ф. Р-1584 (Читинская контора Дальневосточного отделения государственной импортно-экспортной торговой конторы «Госторг» (1921–1930)). Оп. 1. Д. 3.
22. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 196.
23. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 134.
24. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 204.
25. ГАЗК. Ф. Р-913 (Отдел внутренней торговли Витимо-Олекминского окружного исполнительного комитета национальных Советов, п. Калакан Читинской области (1931–1938)). Оп. 1. Д. 11.
26. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 318.
27. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 12.
28. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 16.
29. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 152.
30. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 22.
31. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36.
32. ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 99.
33. ГАЗК. Ф. Р-143 (Отдел народно-хозяйственного учета Витимо-Олекминского окружного исполнительного комитета национальных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, п. Калакан (1931–1938)). Оп. 1. Д. 5.
34. Крайний Север к 1934 г. Сб. материалов по хозяйственному и культурному строительству. Приложение к журналу «Советский Север». М.: Власть Советов, 1934. 175 с.
35. ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 29.
36. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 277.
37. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 13.
38. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 223.
39. ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 62.
40. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48.
41. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 92.
42. Голобоков Л.К. Востибупушина стала на путь торгашества // Витимо-Олекминская правда. 1933. № 110.
43. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 79.
44. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 274.
45. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 85.
46. Беспалько Д.Н. История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века – 1960-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 4 (32). С. 53–65.
47. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 августа 2021 г.

Organization of Hunting and Trade Economy in Vitim-Olyokminsky District in 1930–1938

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 116–125.

DOI: 10.17223/15617793/470/14

Denis N. Bepalko, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: bsepalkodenis84@mail.ru

Keywords: Vitim-Olyokminsky District; hunting and trade economy; planning of fur stocks; organization of labor; fur raw materials.

The article presents a comprehensive study of the problems of the hunting and trade economy of Vitim-Olyokminsky District in 1930–1938. The source base of the research is represented by documents of the State Archive of Zabaikalsky Krai that have not been introduced into academic discourse. Among them are documents of the district and regional planning of fur stocks, as well as reports on the economic and cultural development of the district over a 5-year period, from 1931 to 1936, which outlined the fundamental directions of the development of traditional sectors of the economy and, first of all, the fur trade. Particularly valuable are the field materials of land surveying and research expeditions, which left detailed reports on the statistical and economic state of the district. The study of the topic was carried out in accordance with the basic principles of historical research, the principles of objectivity and historicism. Based on these principles, the article defines and uses a number of methods of scientific knowledge: historical-genetic, historical-comparative, concrete-historical. In the course of the study, the following aspects are consistently analyzed: the state of the regulatory framework for the introduction of new practice in trade legislation, the regulation of the hunting process and the procurement of fur raw materials, their implementation and control in the hunting areas and organizational and delivery fees, objective difficulties in practical implementation, planning of fur harvesting by regional and district harvesting structures, the difference in indicators arising on a given soil. The features of the quarterly allocation and its implementation, the problems of organizing labor and overcoming the systemic crisis of the trade industry of the national economy, the timing of the trade season, the technique of procurement of fur raw materials are thoroughly disclosed. The implementation of the program of biological and zootechnical measures aimed at enriching the commercial fauna of the district is considered. The district and regional authorities, within the indicated chronological framework, were forced to hastily solve complex problems that existed in the region in pre-revolutionary times and aggravated in the 1920s–1930s. A significant part of the planned activities was implemented through trial and error; nevertheless, this contributed to the general growth of the fur raw material sector of the economy and an increase in the level of commercial labor productivity. At the same time, the greatest difficulties were in personnel and financial problems – they became the main reasons for the inhibited development of the entire organizational and technical complex of the district trade industry.

REFERENCES

1. Kudryavtsev, Yu.A. (1929) *Puti stroitel'stva okhotnich'ego khozyaystva* [Ways of building hunting farms]. Moscow: Vseros. soyuz promyslovo-okhotnich'ikh kooperativov "Vsekokhotsoyuz".
2. Pal'gunov, M.M. (1931) *Tekhnika organizatsii okhotnich'ikh khozyaystv* [Technology for organizing hunting farms]. Arkhangel'sk: Ogiz RSFSR. Sev. kraev. otd-nie.
3. Poluboyarinov, G.V. (1934) *Organizatsiya okhotnich'ego khozyaystva* [Organizing hunting farms]. Leningrad: Goslestekhzidat.
4. Rakhmanin, G.E. (1932) *Organizatsiya i ekspluatatsiya okhotnich'ego khozyaystva* [Organization and operation of hunting farms]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo s.-kh. i kolkhoz.-koop. lit-ry.
5. Danilov, D.N., Naumov, N.P., Toporkov, N.N. & Formozov, A.N. (1934) *Programma po izucheniyu okhotnich'ego promysla na Severe* [Program for the study of hunting in the North]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR.
6. Skalon, V.N. (1957) *Organizatsiya okhotnich'ego khozyaystva Sibiri* [Organization of hunting economy in Siberia]. Irkutsk: Kn. izd-vo.
7. Konstantinova, T.A. (2008) *Istoriya Vitimo-Olekminskogo natsional'nogo okruga (1931–1938)* [History of Vitim-Olyokminsky National District (1931–1938)]. *Chitinskiy arkhivnyy vestnik*. 15. pp. 153–158.
8. Konstantinova, T.A. (2008) *Vitimo-Olekminskiy natsional'nyy okrug (1931–1938)* [Vitim-Olyokminsky National District (1931–1938)]. In: *Kray, ustremlyennyy v budushchee* [A land looking into the future]. Chita: Ekspres-izd-vo.
9. Bespal'ko, D.N. (2019) [The development of the muskrat breeding industry of the hunting and trade economy in Vitim-Olyokminsky National District in the 1930s]. *Zabaykal'e istoricheskoe* [Historical Transbaikalian Region]. Conference Proceedings. Chita: Transbaikalian State University. pp. 5–11. (In Russian).
10. Alifatov, G.M. & Ponomarev, G.A. (1929) *Kak provodit' pripisku okhotugodiy v Sibkrai* [How to register hunting grounds in Sibkrai]. Novosibirsk: Sibkrayokhotsoyuz.
11. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. *Ispolnitel'nyy komitet natsional'nykh Sovetov Vitimo-Olekminskogo natsional'nogo okruga Vostochno-Sibirskogo kraia (1931–1937 gg.); Chitinskoy oblasti (1937–1938 gg.)*. Pos. Kalakan [Executive Committee of the National Soviets of Vitim-Olyokminsky National District of the East Siberian Krai (1931–1937); Chita Oblast (1937–1938). Kalakan settlement]. List 1. D. 57.
12. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1649. *Upravlenie okhotnich'ego khozyaystva administratsii Chitinskoy oblasti* [Department of the Hunting Economy of the Administration of Chita Oblast]. List 1. File 2.
13. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-908. *Zemel'nyy otdel ispolnitel'nogo komiteta Vitimo-Olekminskogo okruzhnogo Soveta deputatov trudyashchikh, s. Kalakan (1931–1938)* [Land Department of the Executive Committee of Vitim-Olyokminsky District Soviet of Working People's Deputies, Kalakan settlement (1931–1938)]. List 1. File 2.
14. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 31.
15. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 61.
16. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 62.
17. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-149. *Planovyy otdel Vitimo-Olekminskogo ispolnitel'nogo komiteta natsional'nykh Sovetov pos. Kalakan Chitinskoy oblasti (1931–1938)* [Planning Department of Vitim-Olyokminsky Executive Committee of the National Soviets of Kalakan Settlement of Chita Oblast (1931–1938)]. List 1. File 5.
18. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 248.
19. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 42.
20. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 197.
21. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1584. *Chitinskaya kontora Dal'nevostochnogo otdeleniya gosudarstvennoy importno-eksportnoy trgovoy kontory "Gostorg" (1921–1930)* [Chita Office of the Far Eastern Branch of Gostorg, a State Import-Export Trading Office (1921–1930)]. List 1. File 3.
22. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 196.
23. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 134.
24. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 204.
25. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. *Otdel vnutrenney trgovli Vitimo-Olekminskogo okruzhnogo ispolnitel'nogo komiteta natsional'nykh Sovetov, p. Kalakan Chitinskoy oblasti (1931–1938)* [Department of Internal Trade of Vitim-Olyokminsky District Executive Committee of National Soviets, Kalakan, Chita Oblast (1931–1938)]. List 1. File 11.
26. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 318.
27. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. List 1. File 12.
28. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. List 1. File 16.
29. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 152.
30. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. List 1. File 22.
31. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1649. List 1. File 36.
32. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-908. List 1. File 99.
33. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-143. *Otdel narodno-khozyaystvennogo ucheta Vitimo-Olekminskogo okruzhnogo ispolnitel'nogo komiteta natsional'nykh Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyских deputatov, p. Kalakan (1931–1938)* [Department of National Economic Accounting of Vitim-Olyokminsky District Executive Committee of National Soviets of Workers', Peasants' and Red Army Deputies, Kalakan (1931–1938)]. List 1. File 5.
34. Anon. (1934) *Krayniy Sever k 1934 g. Sb. materialov po khozyaystvennomu i kul'turnomu stroitel'stvu. Prilozhenie k zhurnalu "Sovetskiy Sever"* [The Far North to 1934 Materials for economic and cultural construction. Supplement to the Soviet North magazine]. Moscow: Vlast' Sovetov.
35. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-908. List 1. File 29.
36. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 277.
37. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. List 1. File 13.
38. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 223.
39. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-908. List 1. File 62.
40. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1649. List 1. File 48.
41. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 92.
42. Golobokov, L.K. (1933) *Vostsibpushnina stala na put' torgashestva* [Vostsibpushnina took the path of bargaining]. *Vitimo-Olekminskaya pravda*. 110.
43. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 79.
44. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 274.
45. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 85.
46. Bespal'ko, D.N. (2019) *Istoriya razvitiya sobol'nogo promysla na territorii Vostochnogo Zabaykal'ya (seredina XVII veka – 1960-e gody)* [The history of the development of sable trade on the territory of Eastern Transbaikalian region (mid-17th century – 1960s)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (32). pp. 53–65. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.4
47. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1649. List 1. File 6.

Received: 30 August 2021